

правого характера в виде судебного штрафа, сроки предварительного следствия не продлевались, а в последующем возникла необходимость в проведении ряда процессуальных действий, в том числе принятии окончательного процессуального решения по делу, необходимо было продлить срок предварительного следствия, в том числе и на тот период, когда дело находилось в суде (более 2-х месяцев). Срок следствия был продлен до 12 месяцев. Данный срок был достаточен для направления уголовного дела повторно в суд.

Подобная практика показывает, что новая уголовно-процессуальная модель окончания предварительного следствия является приемлемой и насущной для уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести, однако данная процедура укладывается в строго очерченные рамки закона и ставят следователя, судью перед сложным выбором между целесообразностью и законностью¹.

Считаем, что постоянный количественный рост уголовных дел, направляемых в суд с постановлением о прекращении уголовного дела, требует определения времени окончания срока предварительного следствия в связи с введением новой процедуры прекращения и уточнения вопроса необходимости продления и возобновления сроков предварительного следствия в случае возвращения уголовного дела из суда.

Россинский Сергей Борисович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ: ДАВНО НАЗРЕВШИЕ РЕФОРМЫ ТРЕБУЮТ ЧЕТКОЙ КОНЦЕПЦИИ

На протяжении всех последних лет одним из самых обсуждаемых вопросов, связанных с перспективами дальнейшего развития национальной модели уголовного судопроизводства, является вопрос о субъектах, уполномоченных на проведение предварительного следствия, в частности об их положении в общей системе органов государственной власти, процессуальном статусе, функциональной направленности и т. д. Так, например, многие государственные и общественные деятели, ученые, практические работники уже давно говорят о необходимости формирования в РФ корпуса специализированных следственных судей –

¹ Юсупов М.Ю. Практика и проблемы применения судебного штрафа // <https://pravo163.ru/praktika-i-problemy-primeneniya-sudebnogo-shtrafa/>

на подобию Франции (для проведения предварительного следствия в полном объеме, в первую очередь, для досудебного депонирования доказательств)¹ или Украины и Казахстана (для реализации функции судебного контроля за деятельностью существующих органов предварительного расследования)². Кстати, 29 января 2020 г. Президент РФ В.В. Путин в очередной раз рекомендовал Верховный Суду РФ до 1 июня 2020 г. рассмотреть указанный вопрос и внести соответствующие предложения³. Другие юристы придерживаются противоположной позиции и считают более разумным собственный национальный путь дальнейшего развития предварительного следствия, сохраняющий преемственность по отношению к советской модели досудебного производства⁴ и т. д.

Вместе с тем, все предпринимаемые в этом направлении шаги, к сожалению, не предполагают какой-то четкой и рассчитанной на длительное время концепции реформирования следственной власти, а носят сиюминутный характер, видимо, продиктованный желанием экстренно «заткнуть дыры», то есть быстро достичь определенно результата. Причем такой подход нельзя признать конструктивным, поскольку назревающие в течение многих лет проблемы конечно не могут быть разрешены подобным импульсивным путем, выражающимся во внесении очередных (каких по счету?!) поправок в УПК РФ и соответствующих организационно-штатных изменениях государственных органов. По крайней мере, предыдущие попытки реформирования досудебного производства (например, имевшее место в 2007 г. перераспределение следственно-прокурорских полномочий или образование в 2010 г. Следственного комитета РФ) так и не позволили достичь ожидаемых результатов. В противном случае просто не было бы оснований для обсуждения необходимости дальнейшей модернизации данного сегмента уголовно-процессуальной деятельности.

Прежде, чем затевать новую реформу досудебного производства, вначале надлежит решить, по крайней мере, два стратегических вопроса.

¹ Например: Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель // Сайт РАПСИ. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.

² Например: Ковтун Н.Н. Каким быть аппарату власти следственной? // В кн. Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 162–164.

³ Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700>.

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – С. 328–329; Боруленков Ю.П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). – URL: <http://www.iauaj.net/node/1922>; Быков В.М.; Манова Н.С. Каким быть аппарату власти следственной? // В кн. Аппарат власти следственной ... С. 53–58.

Первый из них заключается в том, какими наше государство желает видеть должностных лиц, уполномоченных на проведение предварительного следствия: «сильными»¹ или «слабыми»? Концепция «сильного» следователя предполагает его профессионализм, компетентность, высокий уровень правовой культуры, правосознания, ответственности, богатый жизненный опыт и, таким образом, исключает надобность во всепоглощающем процессуальном руководстве, прокурорском надзоре, ведомственном и судебном контроле за его деятельностью – как это происходит в настоящее время.

Если же, наоборот, государственная политика будет сориентирована на «слабого» следователя, то реформа, очевидно, должна идти по совершенно иному пути, заключающемся в постановке под жесткий контроль и надзор буквально каждого его шага, то есть в обеспечении качества его работы в принудительном порядке (как бы «из-под палки»). «Слабый» следователь – это фактически рядовой исполнитель, помощник руководителя следственного органа, прокурора или кого-либо еще, не способный принимать самостоятельных решений и нести за них ответственность.

Второй стратегический вопрос, подлежащий разрешению в целях определения вектора дальнейшего развития национальной системы досудебного производства, – кем должны являться государственные служащие, уполномоченные на проведение предварительного расследования: юристами или правоохранителями? В отличие от последнего (правоохранителя) в функции следователя-юриста нет надобности включать действия по раскрытию преступлений, постоянные выезды на места происшествий, ночные дежурства, получение объяснений и т. д. Тем более, такого сотрудника не нужно обременять составлением бесконечных планов, отчетов, справок, рапортов, заполнением статистических карточек и прочими «достижениями» современной бюрократии. Его удел – это всесторонне, полное и объективное расследование уголовного дела, собирание, исследование, проверка, оценка доказательств и издание на этой основе правоприменительных актов юрисдикционного характера.

Представляется, что в решении обоих поставленных вопросов, в первую очередь, целесообразно исходить из исторически сложившихся национальных традиций, восходящих к «наполеоновскому» Кодексу уголовного следствия 1808 г. и окончательно сформировавшихся в период действия Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи.

¹ Концепцию «сильного» следователя не нужно смешивать с идеей сильного следствия, под которой понимается не самостоятельность конкретного следователя, а независимость следственных органов (фактически их руководителей) от влияния прокуратуры. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Сильное следствие и его противники // Lex Russica. – 2015. – № 4. – С. 69.

Полагаем, что независимо от своего названия (следователь, судебный следователь, следственный судья и т.д.) государству надлежит делать ставку именно на «сильного» субъекта, уполномоченного на проведение предварительного следствия, что поспособствует постепенному выходу российской системы уголовной юстиции из затянувшегося кризиса. Концепция «сильного» следователя полностью доказала свою состоятельность и жизнеспособность; она содержит большой потенциал для улучшения качества работы следственного аппарата.

Наряду с этим, современному следователю все-таки должна отводиться роль не правоохранителя, а юриста (следователь – это не представитель полиции, а представитель юстиции). Мы полностью согласны с С.А. Шейфером, который отмечал, что власть следователя традиционно была властью следственной (судебно-следственной), не совпадающей с властью обвинительной¹. Таковой ей, очевидно, надлежит быть и впредь.

Кстати, обратный подход, предполагающий возложение следственных полномочий на «слабых» правоохранителей неизбежно приведет к еще более принципиальному вопросу – о сохранении следователя как отдельного участника или, наоборот, о передаче этих функций полиции (иным органам дознания) на подобии немецкой модели организации досудебного производства, что, в свою очередь, детерминирует слияние предварительного следствия с дознанием.

Анализ проводимых начиная с 1917 г. (то есть на протяжении уже более чем 100 лет) реформ уголовно-процессуального законодательства, в частности статуса следователя, наводит на мысль, что концептуальных решений по указанным вопросам у нашего государства как не было, так и нет. Вместо этого существуют две прямо противоположные тенденции, а законодатель качается между ними подобно маятнику. С одной стороны, в самостоятельном ведении российского следователя находятся важнейшие полномочия судебно-следственной власти (юстиции) – собирание (формирование) полноценных доказательств и их депонирования для дальнейших правоотношений, а также возможность окончательного разрешения уголовных дел путем их прекращения.

Однако, с другой стороны, современный следователь – это классический правоохранитель, представитель того или иного «силового» ведомства, находящийся в полной зависимости от своих руководителей, к тому же обремененный прокурорским надзором и судебным контролем. Причем действующий, УПК РФ отбросил уголовный процесс в этой части к еще более примитивным механизмам по сравнению с теми, которые имели место в СССР. Благодаря принципу состязательности в его

¹ Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М.: Норма, 2013. – С. 131.

американском варианте, предполагающем жесткую дифференциацию процессуальных функций на обвинение, защиту и разрешение уголовного дела (ст. 15 УПК РФ), следователь из субъекта – «познавателя», «расследователя» (каким он был ранее) превратился в классического обвинителя–правоохранителя, «уголовного преследователя», стремящегося изобличить лицо в совершении преступления. Очевидно, что именно этим во многом и объясняется пресловутый обвинительный уклон, который продолжает существовать несмотря на то, что Конституционный Суд в свое время попытался несколько сгладить данный законодательный перегиб¹.

Более того, тенденция, превращающая следователя из юриста в классического правоохранителя, усиливается и на образовательном уровне. Если раньше профессиональная подготовка следователей осуществлялась в рамках общего юридического образования, то в настоящее время существует отдельная специальность: «Правовое обеспечение национальной безопасности». В частности, по этой специальности проводится обучение будущих следователей в Московской и Санкт-Петербургской академиях Следственного комитета РФ, в Волгоградской академии МВД России (бывшей Высшей следственной школе МВД СССР – флагмане подготовки следователей), в Московском, Санкт-Петербургском, Краснодарском университетах и других высших учебных заведениях МВД России и т.д. С прошлого года по данной специальности начата подготовка следователей и в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В образовательных программах по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» особое внимание уделяется физкультуре, специальной подготовке и тому подобным дисциплинам.

Должен ли следователь уметь хорошо бегать, прыгать, драться или стрелять? Почему бы и нет? Но данные навыки должны приобретаться исключительно факультативно, а не в ущерб профессиональным компетенциям в области права, которых так не хватает современным следователям. Сокращение учебных дисциплин, традиционно изучаемых в юридических вузах, за счет физической, специальной или огневой подготовки будущих следователей представляется абсолютно неконструктивным.

Подводя итог вышесказанному, необходимо еще раз обратить внимание, что если государство, наконец, не примет концептуального решения, по какому пути вести реформу предварительного следствия, а будет продолжать политику законодательного шатания из стороны в сторону, то любые предпринятые в данном направлении шаги будут неизбежно обречены на провал.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П.